

Владимир Неробеев

В долине
Иван-гая

Владимир Неробеев

В долине иван-чая

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Неробеев В. С.

В долине иван-чая / В. С. Неробеев — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Дикие животные очень часто ищут защиту у человека. На роду автора были два таких случая. О них рассказывается в этой повести.

Надо же! Нарочно не придумаешь. Оба случая похожи, как две капли воды! И оба на моём веку: только один произошёл в Воронежской области, где я родился и жил пацаном, а другой на Колыме, куда меня занесла «нелёгкая» после окончания вуза. Вот они, эти случаи.

1

Январь пятидесятого. На улице морозно. А в классе теплынь! и не только от того, что чугунина печки-голландки накалилась до бела, – урок вела незабываемая мною Любовь Михайловна.

Признаться, не смотря на столь юный возраст, я не обманулся в своих чувствах, – красивее женщины за всю свою жизнь так и не увидел. Одни глаза чего стоили. Не глаза, бездонное море! Голубое, голубое!. При встрече с ними становилось немножко жутко, а выплыву ли оттуда? Любовь Михайловна как – будто читала мои мысли. Ласковым взглядом давая понять, мол, плыви, плыви, дурашка, не бойся, не утонешь! Тонкими длинными пальцами прикасалась к моей голове, заставляя следить за текстом в книге или писать в тетради, и неведомый ток пробегал по всему телу. Не-ет! Не только печка – голландка согревала меня в классе.

Шёл последний урок. Вот-вот прозвенит звонок. Дверь класса вдруг приоткрылась: за порогом стояла моя мама. Она была чем-то озабочена. Я понял, пришла за мной. Любовь Михайловна кивком головы разрешила мне выйти. В это время зазвенел звонок, все ринулись из класса и через минуту мы остались втроем: Любовь Михайловна, мама и я .

–Михаловна, – с деревенской простотой сказала мама, -посоветуй что делать. Ко мне в сенцы забежала зверюка...этот...как его...олень или лось. Забежала и лежит, – в комнату не войти. Не знаю, что и делать. Зверюка больше коровы.

Любовь Михайловна смутилась в растерянности, – что она могла посоветовать?

–Пойдёмте к директору, – нашлась учительница. Аким Григорьевич выслушал маму, приказал нам одеваться, сделал сам тоже самое, и мы четверо побежали к нашему дому прямиком, оставляя глубокие следы на снегу.

Двери в сенцы были распахнуты настежь, где прямо перед самым входом лежала лосиха, действительно, большая, с корову. Появление людей ни сколько не потревожило её. Даже глазом не повела в нашу сторону, уставившись в одну точку. Так бывает когда человек или животное безразличен ко всему окружающему, – будь, что будет!

–Откуда она взялась? – удивлялись мы, разглядывая невиданную, до сей поры скотину. А и правда, откуда? Ведь у нас куда не глянь степи да поля колхозные. Лес от нашего села в двадцати километрах, – Усманский заповедник. Что заставило зверя проделать такой путь и очутиться в сенях деревенского дома? Появление лосихи тогда так и осталось для нас загадкой.

–Смотрите, – сказал Аким Григорьевич. – У неё нога сломана. Левая передняя нога ниже колена обрывалась острыми зубцами белой кости. Копыто и сломанная часть ноги болталась на сухожилии и на оставшейся не порванной полоске кожи.

–Варвара, – попросил Аким Григорьевич маму, – давай дадим ей воды. Может так лучше будет.

Мама принесла ведро с водой прямо из колодца, поставила перед лосихой. Та, почуввав влагу, задёргала ноздрями, задвигала губами, потянулась к ведру и в два счёта осушила его. Наши лица засветились радостью. Казалось, что тут такого? Обыкновенное дело-зверь попил воды. Мы смотрели друг на друга, не скрывая улыбок. Так приятно было слышать, как вода клокотала, собираясь в большой глоток, и потом бурно журчала уже внутри зверя.

Второе ведро лосиха не допила. Подняла голову, струйками воды поливая пол, равнодушно пережёвывая, вновь уставилась в одну точку. Не забыть никогда её взгляда: бездонная грусть в глазах, отрешённая печаль о чем-то безвозвратно ушедшем. Веки, опушённые длинными рыжими ресницами периодически смыкались, словно шторка фотоаппарата: щёлк и есть кадр воспоминаний, щёлк – ещё один кадр. Ах, если бы можно было составить из тех кадров киноплёнку и прокрутить трагедию на экране!

Тут к нашему дому на санях подкатил председатель сельского Совета однорукий Семён Михалыч. Прижав культёю ремённый кнут, который, кстати, носил для проформы, ибо никогда не пускал его в дело, смотрел на лосиху, чмокал толстыми губами, что-то обдумывая.

– Волки, сволочи... это их рук дело... Нашла где спрятаться, – Семён Михалыч достал клочок курительной бумаги, зажав её губами, насыпал махорки и так быстро смастерил самокрутку, что со стороны казалось, вторая рука ему и вовсе не нужна, он так ловко управляется одной. – Надеюсь на нашу помощь. А чем мы поможем. Она не жалец на свете, – категорически заявил он, повергая нас в уныние. – Будь-то корова, прирезал бы и вся недолга. Лось – государственный зверь, не имеем права. Это уже браконьерство. Нужно сообщить в исполком. Из Усмани приедут люди, заберут. Жаль, телефона у нас нету. Придётся кому-то ехать. Я могу дать вот... лошадь, – дымящейся сигаркой указал на повозку.

Тут же выяснилось, что ехать некому. Семён Михалыч и Аким Григорьевич, должны быть на заседании Совета, неотложные дела. Маме идти колхозных коров доить.

– Давайте я поеду, – вызвалась Любовь Михайловна, стоявшая молча в сторонке, пригнувшись, жалостливо смотревшая на зверя.

– Лошадь – не трамвай. Нужно уметь править, – буркнул директор школы, намекая на городское происхождение молоденькой учительницы.

– Я умею править, – сорвалось у меня с языка. Возражать никто не стал. В то время мы, ребяташки, с лошадьми были на “ты”, во всём помогали колхозникам.

Любовь Михайловна села в сани. Семён Михалыч ловко укутал её тулупом, что лежал на грядущке. Вскочил в сани и я. Мама кинула мне на ноги старую стёганую фуфайку. Молодая кобыла Стрела, стоявшая с изогнутой шеей и выпученными бельмами глазевшая на лосиху, почуяв кровь, храпела и “танцевала” на месте. Как только я взял в руки вожжи, она рванулась, далеко выбрасывая перед собой передние копыта, вытянулась в струнку, прижала уши, закружила нас снежной метелью и клубами пара, что вырывался из её ноздрей.

Всякий раз, управляя лошадью, не раз удивлялся, насколько это умное животное. Вот и тогда Стрела не побежала прямо, в сторону Семёновки, или направо, к сельсовету. (Уж эти-то дороги она за день сто раз исходила!) На месте развернув сани, точно взяла курс на Хаву, как бы поняв разговор людей и заранее сама определив себе задачу.

Стрела несла нас по Кирюхинскому порядку. Мимо летели саманные избёнки, крытые соломой, перекошённые и местами завалившиеся плетённые изгороди, редкие яблони и вишни на заснеженных огородах. В разгорячённое лицо дул морозный ветер. Он забирался через растёгнутый ворот рубашки к телу, растекался ознобом по бокам и спине, остужая не столько тело, сколько рубашку и пальтишко. От этого одежда дубела, становилась колкой. Любовь Михайловна заметила, как мне зябко на ветру.

– Иди ко мне, – тронула она мой рукав, – здесь теплее.

– А мне не холодно, – начал я было хорохориться.

– Какой же ты глупый, – учительница распахнула верхнюю одежду и увлекла меня за руку к себе. Прикрыла полою пальто, укутала тулупом так, что снаружи торчала одна моя облезлая шапчонка. Со стороны я походил на писклока, выглядывавшего из-под тёплого крыла матери-наседки. Сразу одежда, а за ним и тело моё согрелись. Какой это был рай – ощущать тепло дорогого мне человека! И только ли тепло! ? Впервые я почувствовал до селе мне незнакомый, ни на что не похожий, но оттого не менее прекрасный запах женского тела. Еле уловимый, нежный аромат вместе с духами пьянил до головокружения. Что творилось в моей душе! Что творилось! До слёз было жаль лосиху, но я благодарил судьбу, что случилось именно так. Мысленно упрекал Стрелу, – так долго едем, с лосихой может случиться что угодно, и в тоже время хотелось, чтобы поездка длилась вечно и никогда не кончалась.

До Хавы и обратно время пролетело незаметно. Однако, дома произошли невероятные события: лосиха принесла приплод, – неуклюжего лосёнка, а сама, потеряв много крови, ушла

в мир иной. Мы застали, когда неживую лосиху и лосёнка грузили в «полуторку», прибывшую из Усманского заповедника.

–Мой-то никак уснул? – спросила мама учительницу.

–Да, пригрелся, – ответила Любовь Михайловна, распахнув тулуп и пальто. Меня сразу обдало холодом и я почему-то расплакался.

–Ему лосиху жалко, – определила Любовь Михайловна. – Уложите его спать, всё пройдёт.

Да, мне было жаль лосиху. Вот и лились мои слёзы ручьём. И не только от этого! Рядом с горем в моей душе одновременно поселилась и радость! Я плакал... Я плакал... Я плакал, от того счастья, которое пережил под тулупом. А ещё плакал оттого...оттого...Мало ли отчего плачут дети

2. Попрошайка

Прошло двадцать с лишним лет. Точно такой же случай с лосихой повторился, но уже в другом месте. Тогда я жил на самом краю земли– на Колыме.

В Кадыкчане мы были проездом: в конце сентября ехали рыбачить на Индигирку как раз через этот посёлок. Остановились у магазина купить хлеба. На Колыме в каждом посёлке пекут свой хлеб. Чем меньше посёлок, тем вкуснее хлеб получается, -пекут же для себя! Ну, а нам зачем везти с собой обыденный, когда можно было отовариться здесь чудесным хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.